

Глава 22

— Тогда я уколою твоего мишку, — усмехнулся доктор Цзян, делая вид, что собирается вонзить иглу в Бай Цзыму.

Рыдания Цзян Сяосаня тут же прекратились. Он моргнул своими влажными, как два озера, глазами, и ему стало жалко мишку. Тот был слишком маленьким, он наверняка не выдержит, один укол — и он тут же умрёт. Тогда Сяосань бросился к Бай Цзыму и обнял его.

Цзян Сяои наблюдал, как его младший брат, словно щенок, тычется носом в пушистую шерсть, а потом украдкой указывает ручкой в его сторону.

Видимо, совесть его всё-таки мучила, или он понимал, что поступает не по-братски, потому что голос его стал совсем тихим.

— Не колите мишку... Дедушка, лучше уколите моего старшего брата, у-у-у...

Старший брат — самый сильный и всемогущий, он точно не боится.

Цзян Сяои не выдержал.

Доктор Цзян рассмеялся.

— Какой же ты хороший брат, — сказал он, погладив Цзян Сяосаня по голове.

Цзян Сяои с мрачным лицом оттащил младшего брата и несколько раз шлёпнул его по заднице.

Бай Цзыму, глядя, как тот, прикрывая задницу, сморщив личико, обиженно хнычет, захихикал.

Цзян Сяоэр тоже рассмеялся, но когда доктор Цзян вонзил в него две иглы, смех тут же прекратился.

Пока доктор Цзян проводил процедуру, Цзян Сяои оставил Цзян Сяосаня и мишку присматривать за братом, а сам пошёл продавать овощи.

Он задержался, пришёл поздно и не смог занять хорошее место. К тому же, горожане покупают овощи с утра. В итоге, продав часть овощей и отдав остатки почти даром, он заработал всего около десяти вэней. На эти деньги Цзян Сяои купил два мясных пирожка и поспешил обратно в лечебницу.

Цзян Сяосань, держа в руках пирожок, сиял от счастья, его глаза превратились в щёлочки. Но, увидев, что старший брат купил всего два и отдал их им, он моргнул, посмотрел на свой пирожок и разломил его пополам.

— Брат, тебе.

Цзян Сяоэр, которому только что вынули иглы, ещё не успел одеться. Он сидел на кровати, демонстрируя свои маленькие соски, и, утирая слёзы, тоже протянул половину пирожка.

— Брат, ты тоже ешь.

Сердце Цзян Сяои наполнилось теплом. Его младшие братья, один — болезненный, другой — простодушный, были такими заботливыми. Что бы вкусное им ни досталось, они всегда делились с ним. Они были такими послушными, никогда не капризничали.

Поэтому, хоть иногда он и уставал так, что дышать было трудно, и не видел никакого просвета в будущем, стоило ему вернуться домой, как Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань подбегали к нему, задирали головы и, называя его старшим братом, тоненькими голосками говорили, что любят его больше всех на свете, и он чувствовал, что всё это не зря.

Три брата сидели вместе и ели пирожки. Всего два мясных пирожка, но они ели их так, словно это был самый изысканный деликатес в мире, и лица их светились счастьем. В конце Цзян Сяоэр, покачивая ножками, с наслаждением облизал пальцы.

— Брат, мясные пирожки такие вкусные. Тебе нравится?

Цзян Сяои уже много лет не ел мясных пирожков. Раньше, когда Хуан Сюлянь ещё не ушла, семья жила лучше, и он мог лакомиться ими два-три раза в год. Белые, мягкие булочки с небольшой, но очень ароматной начинкой из мяса и зелёного лука... он тоже очень их любил.

— Нравится, — ответил он.

Цзян Сяоэр посмотрел на него и с серьёзным видом, сжав кулачки, мягко пообещал:

— Тогда, когда Сяоэр вырастет, я буду покупать много-много для брата. И для отца.

Вспомнив о Цзян Сяосане, который всё время был рядом во время уколов, и о Бай Цзыму, который утирал ему слёзы, он громко добавил:

— И для младшего брата, и для мишки тоже!

— Хорошо, — улыбнулся Цзян Сяои. Его лицо озарила нежная улыбка. Слова Цзян Сяоэра обрадовали его больше, чем любой пирожок. Он наклонился, помог брату обуться и, сняв его с кровати, сказал: — Брат будет ждать. А теперь пойдём домой.

Был уже полдень. Процедура иглокалывания для Цзян Сяоэра занимала больше двух часов. На улице стояла жара, и прохожие на улицах почти рассеялись. Лишь несколько торговцев, не распродавших свой товар, всё ещё ждали покупателей.

Два пирожка не утолили голод, а только раздражили аппетит. Цзян Сяои, проработавший всё утро, чувствовал пустоту в желудке. Он положил Бай Цзыму в свою корзину, взял на руки Цзян Сяоэра, а Цзян Сяосаня повёл за руку. Заплатив в лечебнице и попрощавшись с доктором Цзяном, он собрался уходить.

— Снаружи очень жарко, — сказал доктор Цзян. — В другой раз было бы ничего, ты быстро ходишь, даже с Сяоэром на руках. Но сегодня с тобой ещё и Сяосань.

Цзян Сяосань, хоть и был крепче брата, всё же по сравнению с другими пятилетними детьми был маленьким и ходил медленно.

— Может, отдохнёте на заднем дворе и вернётесь домой вечером, когда станет прохладнее? — предложил он.

Цзян Сяои покачал головой и поблагодарил за предложение.

Дома его ждала куча дел. Бобовые ещё не посажены, земля не вскопана. Ему некогда отдыхать.

Доктор Цзян не стал настаивать и, глядя, как три брата уходят под палящим солнцем, покачал головой и вздохнул.

— Эх...

Осенний тигр был в самом разгаре. Едва они вышли из лечебницы, как их обдало волной горячего воздуха. Бай Цзыму не выдержал жары. В корзине оставалось несколько пучков овощей. Он прикрыл ими голову и, обессиленный от зноя, прислонился к краю корзины, прищурившись, считая капли пота, стекавшие по щеке Цзян Сяои.

Видимо, ему было очень жарко и тяжело. Пот катился градом. Лицо и шея, открытые солнцу, покраснели, но те места, что были прикрыты одеждой, оставались удивительно белыми.

Бай Цзыму долго смотрел на его шею. Цзян Сяои, словно почувствовав его взгляд, повернул голову и улыбнулся.

Бай Цзыму замер.

Было такое чувство, будто его застали врасплох, когда он подглядывал за красивой девушкой. Он тут же отвёл взгляд и съёжился в корзине, чувствуя, как от жары горят даже щёки.

На главной улице Цзян Сяои уже собирался повести Цзян Сяосаня к городским воротам, как вдруг впереди послышался гулкий топот, и навстречу им выбежал отряд солдат.

Они были в доспехах, с мечами на поясе, лица их были суровы, а шаг — чёткий и слаженный.

Сразу было видно — настоящие воины.

Не то что городская стража.

Хотя Пинъян и был богаче деревни, по сравнению с северными городами он считался бедным.

Местная стража не была настоящей армией. Это были либо отставные солдаты, прослужившие два-три года на передовой, либо простолюдины, купившие себе должность.

Поэтому, хоть они и носили доспехи, их походка напоминала прогулку зелёных ростков. С настоящими, прошедшими специальную подготовку воинами они не шли ни в какое сравнение. Разница была видна с первого взгляда.

Цзян Сяои поспешно оттащил Цзян Сяосаня в сторону.

Окружающие зеваки недоумевали.

— Что случилось? Что происходит?

— Не знаю! — ответил кто-то. — Кажется, они побежали к управе. Пойдём посмотрим.

Цзян Сяои тоже был любопытен. Управа была недалеко, и он, взяв Цзян Сяосаня за руку, пошёл туда.

Когда он подошёл, у ворот управы уже собралась толпа. Цзян Сяои протиснулся вперёд и увидел на стене объявление о розыске.

Бай Цзыму бросил взгляд и потерял дар речи.

На левой стороне листа был нарисован бородатый громила, а справа шёл текст...

Розыск Брата Хао.

Брат Хао?

Это имя звучало ещё более вызывающе, чем его собственное.

Когда-то он хотел назваться Господином Медведем. Ему казалось, что это имя звучит солидно и благородно. Но его мастер и старший брат не согласились, сказав, что это пошло и похоже на кличку умственно отсталого. С таким именем его будут постоянно бить. Они уговаривали его три дня и в итоге, наплевав на его мнение, назвали Бай Цзыму.

А здесь, как оказалось, люди ещё хуже умеют придумывать имена.

Например, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань. Имя одного звучало как имя трактирного слуги, а другого — как имя лисы-оборотня. С такими именами их точно будут бить.

А теперь этот — ещё более наглый, сразу Брат Хао...

В своё время его старший брат, элита секты, мастер алхимии, красавец и покоритель женских сердец, не смел быть таким дерзким и смиренно назывался Бай Цзыхао. Кто же этот человек, что осмелился назваться Братом Хао?

— Что там написано? — спросил кто-то, не умеющий читать.

— Сейчас посмотрю. О, правительство разыскивает этого Брата Хао. Матерь божья, за информацию о нём обещают награду в тысячу лянов серебра!

— Что? Правда?

— Да тут же чёрным по белому написано!

— А что он натворил? За что такая большая награда?

Бай Цзыму присмотрелся и нашёл объявление странным. Говорилось, что этот человек совершил преступление и сбежал, поэтому для его поимки были направлены императорские гвардейцы. За информацию обещалась награда, а за укрывательство — конфискация всего имущества. Особо подчёркивалось, что преступника нельзя ранить. Внизу стояла государственная печать, значит, приказ исходил от самого императора, а не от местных властей.

И ещё, там было сказано, что этот Брат Хао — евнух.

Бай Цзыму окончательно растерялся.

Евнух — и с бородой?

Это что, шутка?

И что мог натворить евнух, чтобы его разыскивали по всей стране? Такой переполох... Украл у императора деньги?

Вряд ли. Император богат как Крез. Сколько же нужно было украсть, чтобы так его разозлить?

Раз уж за ним послали императорскую гвардию, значит, дело серьёзное. Почему бы просто не убить его на месте?

Может, он потрогал императора за задницу?

Говорят, тигра за хвост дёргать нельзя. Дракона, видимо, и подавно.

Бай Цзыму предавался буйным фантазиям, но и представить не мог, насколько он близок к истине. Он вглядывался в портрет и находил его всё более знакомым. У этого громилы были красивые глаза-персики, очень похожие на глаза его старшего брата.

Эта мысль мелькнула в его голове, и Бай Цзыму замер.

Неужели это старший брат?

От этой догадки он на мгновение пришёл в восторг, но тут же отбросил эту мысль.

Его старший брат давно умер. К тому же, хоть он и не был таким красивым, как он сам, но был чертовски привлекателен. Утончённый, элегантный, всегда с иголки одет, ни один волосок не выбивался из причёски. Он никак не мог быть этим бородатым громилой.

Толпа вокруг гудела, обсуждая, что мог натворить этот человек, мечтая о тысяче лянов серебра и хвастаясь, что когда-то видели самого императора.

Говорил это один старик. Несколько молодых парней тут же фыркнули, велев ему не врать.

Пинъян был далеко от столицы, один город на юге, другой на севере. На лошадях добираться больше двух месяцев.

В некоторых местах свирепствовали разбойники, и, кроме торговцев и чиновников, мало кто из простого люда, даже имея деньги, отваживался на такие далёкие путешествия, особенно в столицу.

— Старик Цао не врёт, — вмешался мужчина средних лет. — Двенадцать лет назад император сопровождал своего отца в походе. На обратном пути они проезжали через наш Пинъян. Я тогда тоже его видел!

— Правда? Не врёшь?

— Чистая правда. Не веришь — спроси у своего отца или деда, они знают.

— А сколько императору сейчас лет?

— Лет двадцать семь-двадцать восемь, наверное? — мужчина на мгновение задумался. — Тогда он выглядел лет на десять.

Император, должно быть, очень торопился. Неизвестно, какой приказ он отдал, но едва императорская гвардия вошла в Пинъян, как местные власти тут же выделили людей, и они вместе с гвардейцами начали масштабные обыски, заходя в каждый дом.

Цзян Сяои, послушав немного и убедившись, что объявление не о наборе в армию или повышении налогов, решил уходить.

— Гэ'эр Цзян?

У самых ворот его кто-то окликнул.

Цзян Сяои узнал этого человека.

Это был Лю Хуцзы.

Когда-то, когда он ещё ездил с Хуан Сюлянь в деревню Люцзян, он несколько раз встречал Лю Хуцзы у ворот деревни и немного его запомнил.

За несколько лет Лю Хуцзы не сильно изменился. Среднего роста, с высокими скулами и полными губами. Не красавец, даже скорее ниже среднего. Раньше, когда он жил в деревне, он был смуглым. Теперь, видимо, работая в таверне и не бывая на солнце, он сильно побелел.

Но белизна скрывает сто недостатков.

Лю Хуцзы был белее большинства деревенских парней, к тому же одет чисто, волосы аккуратно причёсаны. Он выглядел опрятно и, конечно, выделялся на фоне вечно чумазных крестьян.

Он, видимо, ждал уже давно. Увидев Цзян Сяои, он беззастенчиво смерил его взглядом с головы до ног. Цзян Сяои был смуглым и худым, одет в тёмную, поношенную одежду с заплатками на коленях и локтях. Он выглядел очень бедно и невзрачно.

Деревенские девушки и гэ'эры, достигнув брачного возраста, переставали работать в поле и несколько лет «отдыхали», чтобы сохранить красоту. Поэтому даже деревенские в этом возрасте, хоть и не сравнятся с городскими, всё равно выглядели белее и нежнее, чем Цзян Сяои, обветренный и обожжённый солнцем.

Цзян Сяои часто ходил с отцом в горы за дровами. Близкие склоны они боялись опустошать, чтобы не вызывать недовольство соседей, поэтому ходили на дальние. Туда мало кто забредал. Ближние склоны были истоптаны, тропинки были широкими, и те, кто потрудолюбивее, по пути ещё и срубали мешающие ветки.

А на дальних склонах дорог не было. Трава росла буйно, а листья некоторых растений были острыми как бритва и могли больно порезать. К тому же в горах было много комаров. Поэтому Цзян Сяои был не только худым и смуглым, но и его лицо и шея были покрыты едва заметными шрамами — то от укусов, то от порезов. Они переплетались, создавая неровный узор. Лю Хуцзы, проведя много времени в городе, находил его всё более непривлекательным.

— Гэ'эр Цзян? — снова спросил он с лёгким нетерпением.

Он задал вопрос, но в его голосе звучала непоколебимая уверенность и плохо скрытое презрение.

— Да, — ровным голосом ответил Цзян Сяои, поняв его тон. — Ты искал меня? Что-то случилось?

У ворот было многолюдно. Лю Хуцзы указал в сторону.

— Я хочу поговорить с тобой. Пойдём туда?

Оставаться наедине неженатому парню и гэ'эру было неприлично, но место, которое указал Лю Хуцзы, было недалеко от ворот. Прохожие могли их видеть, но не слышать. Так что ничего страшного.

— ...Хорошо. — Цзян Сяои пошёл за ним, держась на расстоянии двух метров.

— На днях моя двоюродная сестра приходила ко мне домой, — внезапно сказал Лю Хуцзы.

Цзян Сяои знал об этом. Но ведь сватовство не удалось? Зачем Лю Хуцзы снова об этом заговорил?

— Ты ведь знаешь об этом?

Цзян Сяои кивнул.

— Это ты попросил мою сестру прийти?

Его тон не был дружелюбным. Цзян Сяои покачал головой.

— Нет...

— Нет? Тогда почему она вдруг пришла? — усмехнулся Лю Хуцзы, явно не веря ему.

Он знал, на что способен. И не удивлялся, что Цзян Сяои мог им заинтересоваться.

К тому же, он несколько раз видел, как Цзян Сяои смотрит на него, когда он проезжал на телеге. Даже когда телега уезжала, он не мог оторвать взгляда, словно прилипнув к нему глазами. Он прекрасно видел это нескрываемое восхищение.

Цзян Сяои, должно быть, давно положил на него глаз. Узнав, что он собирается жениться, он тут же послал к нему свою двоюродную сестру.

Восхищение Цзян Сяои льстило Лю Хуцзы, но после того, как их семьи поссорились, это стало его раздражать.

Может, Цзян Сяои знал, что он в хороших отношениях с Чжан Дая, и поэтому послал именно её?

Или думал, что из-за Чжан Дая он согласится на этот брак?

Раньше, после такой ссоры, Лю Хуцзы непременно бы пошёл извиняться. Ведь муж его тёти знал в городе нужных людей, и ссориться с ним было невыгодно. Но за эти годы Лю Хуцзы повидал многое и постепенно понял, что охотник Чжан — не такая уж и важная персона. Поэтому, узнав о ссоре, он не придавал этому значения и оставил всё на усмотрение матери.

Однако один из его недругов в таверне как-то узнал об этой истории и рассказал управляющему. На днях после работы управляющий вызвал его и вежливо попросил не забывать о благодарности.

Он кое-как выкрутился, сказав, что ничего не знал. Управляющий больше ничего не сказал, но Лю Хуцзы заметил, что тот стал относиться к нему с разочарованием и холодком.

Лю Хуцзы забеспокоился.

Таверна «Фулай» принадлежала семье Чжао. Их бизнес был обширным, у них было много заведений, не только эта таверна. Босс Чжао в основном жил в столице префектуры и редко бывал в Пинъяне. Всеми делами в таверне заправляли управляющий и бухгалтер.

Бухгалтер отвечал за финансы, а управляющий — за кухню и официантов, таких как он.

Хоть они все и были официантами, но и среди них была своя иерархия.

На первом этаже ели в основном зажиточные горожане. Угождая им, много не заработаешь. А вот на втором этаже было другое дело. Туда, в отдельные кабинеты, приходили настоящие богачи. Если им угодить, они могли щедро одарить серебром.

Обычно деревенские, работая в городе, получали у щедрого нанимателя около двадцати взней в день, а у скупого — восемнадцать-девятнадцать. Если повезёт и работа будет каждый день, за месяц выходило не больше половины ляна. А официанты на втором этаже, где было много гостей, за месяц зарабатывали по три-четыре ляна серебра.

Простой крестьянин и за год столько не зарабатывает.

Лю Хуцзы давно мечтал работать на втором этаже. Управляющий хорошо к нему относился и как-то намекнул, чтобы он старался. Другие официанты проработали в таверне много лет, прежде чем попасть на второй этаж. Он был новичком, и его нельзя было сразу переводить, чтобы не вызывать недовольства. Но через несколько лет, когда он наберётся опыта, управляющий обещал найти ему возможность.

Управляющий был уже в возрасте, силы его покидали, и после Нового года он собирался вернуться в столицу префектуры. По правилам, семья Чжао должна была прислать на его место другого доверенного человека, но Лю Хуцзы слышал от управляющего, что у хозяина больше нет подходящих людей, и в этот раз, скорее всего, будут нанимать со стороны.

Если бы прислали человека от хозяина, с ним можно было бы договориться. А с чужим, нанятым со стороны, связей не было. Поэтому управляющий хотел до конца года перевести Лю Хуцзы на второй этаж. Лю Хуцзы, зная о его намерениях, от волнения даже спать не мог. Но после этого случая управляющий стал к нему холоден и больше не был так дружелюбен.

О переводе он и вовсе не упоминал.

Лю Хуцзы был раздосадован. В груди у него кипел гнев, который некуда было выплеснуть. Во

всём был виноват Цзян Сяои, и Лю Хуцзы невольно возненавидел его. Узнав, что тот сегодня будет в городе, он пришёл сюда, чтобы дожидаться его.

Цзян Сяои замер, его лицо побледнело. Лю Хуцзы ничего не сказал, но его усмешка сказала всё. Ему было невыносимо стыдно. Кровь прилила к лицу, и он низко опустил голову.

— Моя мать и тётя поссорились, — сказал Лю Хуцзы, глядя на него с нетерпением. — Ты ведь знаешь, почему?

Цзян Сяои растерянно посмотрел на него и, теребя лямку корзины, медленно покачал головой.

Лю Хуцзы нахмурился.

— Не знаешь?

— Не знаю. — Цзян Сяои по-прежнему смотрел в землю. Сватовство не удалось, семья Лю его не приняла. Лю Хуцзы не должен был сейчас подходить к нему, и уж тем более задавать такие вопросы. Родительское решение, слово свата — говорить об этом с незамужним гэ'эром было крайне неприлично. Он, казалось, не думал, что его вопросы могут ранить, или ему было всё равно.

Лю Хуцзы пришёл сюда специально, чтобы унижить его.

Осознав это, Цзян Сяои спокойно ответил:

— Мой двоюродный брат был в гостях у семьи Юэ, узнал, что ты ищешь невесту, и по возвращении рассказал. Моя тётка подумала, что ты хорошая партия, а мне уже пора замуж, вот и попросила невестку помочь.

Он говорил правду.

— Я не знаю, что произошло потом, и почему ваши семьи поссорились, но... — попытался объяснить Цзян Сяои.

— Думаешь, я поверю? — прервал его Лю Хуцзы с лёгкой усмешкой. — Это ведь ты её послал, так?

— Нет, — поспешно возразил Цзян Сяои.

— Как это нет? Зачем мне врать? За эти годы я повидал всяких людей. Господин Цзян, твои уловки меня не обманут.

Лю Хуцзы, задрав подбородок, с отвращением и ненавистью посмотрел на него.

— Хоть я и в хороших отношениях с двоюродной сестрой, но брак — дело серьёзное. Скажу тебе честно, моя жена должна быть мне ровней, достойной меня. Ты-то на что рассчитывал, а? Какое у тебя право даже думать о том, чтобы войти в мой дом?

Он окинул взглядом Цзян Сяои, потом перевёл взгляд на Цзян Сяоэра, которого тот держал на руках, и на Цзян Сяосаня, свирепо смотревшего на него, и добавил ещё несколько слов.

Лю Хуцзы, видимо, насмотрелся на учёных мужей и нахватался от них книжных выражений.

Что-то о пропасти между ними, о том, что смелости не хватает признаться в содеянном, и что такое поведение недостойно.

Обычно он был со всеми почтителен, и ему редко выпадала возможность вести себя так высокомерно. Объяснения Цзян Сяои он не слушал, и гнев его только разгорался.

Лицо Цзян Сяои, помимо унижения, выражало ещё и злость, но в нём не было и тени того горя, которое ожидал увидеть Лю Хуцзы. Это его ещё больше раздосадовало.

Он стиснул зубы, нахмурился и, не сдерживаясь, стал говорить самые обидные вещи.

— Я знаю, что твоя семья бедна, но я думал, что ты, хоть и беден, но умён и порядочен. А теперь я вижу, что у тебя нет ни чести, ни совести. И ты ещё смеешь мечтать о том, чтобы войти в мою семью? Просто смешно и глупо.

Бай Цзыму не выдержал.

Он слушал всё это, и кулаки его так и чесались. Он почувствовал себя грязным, ему хотелось заткнуть уши.

Что за мерзавец!

Сначала, как товар, осмотрел человека с головы до ног, а потом принялся его унижать. Что же с ним должно было случиться? Насколько же он жалок, чтобы самоутвердиться за счёт гэ'эра?

Даже если Цзян Сяои ему не ровня, нужно же иметь хоть каплю совести, чтобы не сжигать мосты. Зачем так поступать?

Когда-то одна красотка заперла его в туалете, но даже в ярости он не смел говорить таких

слов.

Это просто неуважение.

И он ещё говорит о «достойной паре»?

Бай Цыму долго смотрел на Лю Хуцзы, изрыгавшего оскорбления.

Честно говоря, судить о людях по внешности очень невежливо, и он никогда так не делал, если только его самого не оскорбляли по этому поводу.

Но вот этот Лю Хуцзы... будь он гэ'эром, он бы скорее в монастырь ушёл, чем лёг с ним в одну постель.

Мерзко, просто до невозможности мерзко.

Лю Хуцзы почувствовал на себе его взгляд, и ему стало не по себе. По спине пробежал холодок, и появилось дурное предчувствие.

Бай Цыму отвёл взгляд и посмотрел на Цзян Сяои. Тот, сжав губы, стоял, опустив руки. Его кулаки были сжаты так сильно, что ладони болели.

Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань были ещё свирепее. Они смотрели на Лю Хуцзы не мигая, их зубы скрипели от злости. Казалось, стоило Цзян Сяои отдать приказ, и они тут же бросятся на него и разорвут в клочья.

Цзян Сяои заглянул в глаза Лю Хуцзы. В них читалось презрение, брезгливость и отвращение.

Он не расслышал, что Лю Хуцзы говорил дальше, но его слова ударили по голове, как пощёчина, и в ушах зазвенело.

Лю Хуцзы продолжал говорить. Цзян Сяои сделал два глубоких вдоха, выхватил овощи, которыми прикрывался Бай Цыму, скомкал их и быстро засунул Лю Хуцзы в рот.

Бай Цыму опешил.

Лю Хуцзы, не ожидавший такого, на мгновение замер, а потом, придя в себя, замахнулся, чтобы ударить Цзян Сяои. Цзян Сяосань, как бык, опустив голову, бросился на него.

Он вложил в этот удар всю свою силу. Лю Хуцзы, не удержавшись на ногах, отшатнулся на несколько шагов. Цзян Сяои, схватив Цзян Сяосаня, бросился бежать.

Лю Хуцзы, оперевшись о стену, хотел было догнать их, но два стражника, которые с любопытством наблюдали за происходящим, тут же подскочили и преградили ему путь.

— Что делаешь? Что делаешь?

Цзян Сяои воспользовался моментом и скрылся.

Всю дорогу домой атмосфера была напряжённой. Цзян Сяосань не смел произнести ни слова. Обычно его рот не закрывался, он постоянно показывал на цветы и травы у дороги и расспрашивал о них старшего брата.

Бай Цзыму тоже притих. На привале Цзян Сяои вынул его из корзины и, на удивление, не стал связывать. Но он и не думал о побеге. В такой момент, если он попытается сбежать и этот гэ'эр его поймает, то ему точно придёт конец.

Его задница до сих пор болела, как будто её отбили. Не стоит рисковать жизнью и нарываться на неприятности.

Он не знал, на что способен разгневанный гэ'эр, но видел, как дерутся женщины. Они вцепляются в волосы и дерутся до последнего. А у него всё тело покрыто шерстью.

Бай Цзыму всю дорогу вёл себя смирно. Он думал, что к тому времени, как они доберутся до дома, Цзян Сяои успокоится. Но сегодня, видимо, был какой-то проклятый день. Сначала они встретили Лю Хуцзы и выслушали его оскорбления, а теперь, войдя в деревню, увидели под баньяном на гумне нескольких женщин. Кто-то перебирал соевые бобы, кто-то шил обувь.

Руки у них были заняты, но и языки не простаивали.

История Цзян Сяои была в самом разгаре, и они обсуждали её при каждом удобном случае.

— А Цзян Сяои-то наш какой самоуверенный!

— И не говори. Когда я услышала, что семья Лю ищет невесту, я тоже хотела...

— Да брось ты! Твоя дочь дважды замужем была. У парня первый брак, и он не настолько беден, чтобы не найти себе жену. С чего бы ему на твою дочь смотреть?

— Я знаю, поэтому и не стала никого посылать. А вот семья Цзян, видимо, не поняла. Теперь их так унизили... будь я на их месте, со стыда бы сгорела.

— Эх, и о чём он только думал? Может, насмотрелся, как его сестра замуж за учёного вышла, и

решил, что он не хуже? У меня старший и второй сыновья вечно не ладят. Что есть у одного, то и второму подавай. В детстве так было, и сейчас, когда они уже взрослые, ничего не изменилось.

— Пф, что он, что его сестра! Ты посмотри, кто её отец, Цю Дачжу, и кто отец Цзян Сяои, Цзян Ань. Он такой же крестьянин, как и мы, да ещё и хромой. С Цю Дачжу ему не сравниться. Но надо сказать, этот гэ'эр Цзян весь в мать пошёл. С виду такой тихий.

— И не говори.

— Сегодня в повозке сестра Чжан сказала: какая мать, такой и гэ'эр. Я на днях видела, как он как ни в чём не бывало пошёл в огород. Я даже восхитилась.

— А что тут такого? Хуан Сюлянь — бесстыдница, так и гэ'эр Цзян не может быть стыдливым.

Говорят, что все люди рождаются равными.

Но на самом деле это не так.

Некоторые с самого рождения носят на себе клеймо.

Его отец — чиновник.

Его мать — госпожа Ли.

Его дед — декан академии.

Эти люди стоят выше других, они во всём пользуются привилегиями.

Его мать — любовница.

Его отец — игрок.

Его дед сидел в тюрьме.

Эти люди с самого рождения словно ниже других. Они могут быть добрыми по натуре, но всю жизнь терпят лишения и насмешки.

Люди любят судить по происхождению и выносить свой вердикт.

Подозревать, домысливать, плести интриги — за это не нужно нести ответственность, поэтому они делают это беззастенчиво. Они знают, где у человека больное место, и бьют именно туда, снова и снова вонзая нож в сердце.

Но никто не должен отвечать за ошибки своих предков.

Эти слова были как соль на рану.

Цзян Сяои позеленел от злости, всё его тело дрожало, а в висках стучало так, словно они вот-вот взорвутся.

— Почему мать его бросила? Может, с ним что-то не так?

— Родила, да не воспитала.

— Он сын Хуан Сюлянь. Сын похож на отца, а дочь — на мать...

За эти шесть лет он наслушался подобных разговоров. Но даже после стольких раз, каждый раз, когда он их слышал, эти слова, как острые кинжалы, вонзались ему в сердце.

Почему Хуан Сюлянь бросила его?

Почему она от него отказалась?

Почему, стоит ему оступиться, как все тут же говорят: «Ну конечно, он же сын Хуан Сюлянь».

Хуан Сюлянь бросила его, как старую, ненужную одежду, которую она не смогла забрать с собой. Она не испытывала ни малейшего сожаления.

Она ушла легко, но перед этим втоптала его в грязь, сделав предметом для сплетен и насмешек.

Он был тогда ещё маленьким, но злоба, холодные слова, презрение и унижение, как отравленные стрелы, летели в него со всех сторон.

Эти перешёптывания, резкие и злые, как черви в гниющем мясе, без остановки грызли его кости, оставляя тысячи ран.

Та, что совершила позорный поступок, теперь живёт в роскошном особняке, наслаждаясь благами, о которых он и мечтать не мог. А тот, кто не сделал ничего плохого, должен выслушивать все эти мерзкие оскорбления и насмешки.

Почему?

Потому что все боятся Цю Дачжу.

А он, Цзян Сяои, беден и жалок, и каждый может пнуть его ногой.

Сначала Лю Хуцзы, теперь эти.

Снова и снова.

Цзян Сяои задыхался от гнева, который, казалось, достиг своего предела.

— Наговорились? — подавленным голосом спросил он.

Сплетницы вздрогнули от неожиданности. Обернувшись, они увидели Цзян Сяои, стоявшего позади них. Никто не знал, как давно он здесь и сколько успел услышать.

— Сяо... Сяои! Уже вернулся?

Лицо Цзян Сяои было мрачным.

— Я спросил, вы наговорились? — повторил он.

— Сяои...

— Наговорились? — в его голосе зазвучали кровавые нотки, и он вдруг закричал, потеряв терпение.

Цзян Сяои никогда не повышал голоса на Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня. Он никогда так не срывался. Перед младшими братьями он всегда был спокойным, сильным и смелым.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань испуганно замерли, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Пойманные на месте преступления, женщины сначала почувствовали себя виноватыми. Они знали, что Цзян Сяои неконфликтный. Если бы они говорили о чём-то другом, он бы просто сделал вид, что не слышал. Но стоило затронуть тему Хуан Сюлянь, как он тут же зверел. Он уже несколько раз из-за этого ссорился.

Но всё-таки они были старше. Кричать на них было верхом неуважения.

— А что? Сделал, так не смей людям говорить? — вызывающе сказала одна из женщин, уперев руки в бока.

— Вот именно, — поддержала её госпожа Фэн. — Что мы неправду сказали? Разве ты не посылаешь свою невестку к семье Лю? И разве твоя мать не вела себя бесстыдно с Цю Дачжу?

Эти слова стали последней каплей.

Цзян Сяои был ранен в самое больное место. Гнев, обида — всё это вырвалось наружу. Он даже не успел опомниться, как уже отставил в сторону Цзян Сяоэра и корзину и бросился на женщин.

Те, увидев, что он совсем распоясался и посмел поднять на них руку, тоже не остались в долгу.

— Ах ты, маленький бесстыжий ублюдок! Смеешь на старших руку поднимать! Сегодня я научу тебя уму-разуму вместо твоей матери!

Они сцепились в клубок.

Кто-то хватал за одежду, кто-то — за волосы.

Бай Цзыму был ошеломлён, а потом с ужасом наблюдал за происходящим.

Несколько женщин окружили Цзян Сяои и, осыпая его проклятиями, били. Их лица исказились от злобы.

Когда женщины и гэ'эры дерутся, это похоже на танец демонов. Страшное зрелище.

Даже тигр, спустившийся с горы, увидел бы такое и тут же в страхе убежал бы обратно.

Силы были неравны. Против четырёх женщин у Цзян Сяои не было шансов. Он улучил момент, повалил госпожу Фэн на землю, сел на неё верхом и принялся молотить её кулаками.

Бай Цзыму видел, как другие женщины тянут и щиплют Цзян Сяои. Его волосы и одежда были растрёпаны, он выглядел жалко, но, обезумев от ярости, казалось, не чувствовал боли и продолжал бить госпожу Фэн.

Госпожа Хуан вцепилась ему в волосы и с силой дёрнула, вырвав целый клочок. Бай Цзыму запаниковал. Он хотел помочь, но понимал, что в таком виде только помешает. Он мог лишь в отчаянии метаться по кругу.

Цзян Сяосань уже давно присоединился к драке. Он с плачем тянул за одежду одного из обидчиков. Тот оттолкнул его локтем. Цзян Сяосань с криком упал, но тут же снова поднялся на четвереньках.

— У-у-у... отпустите моего брата! Отпустите моего брата!

Цзян Сяоэр с покрасневшими от слёз глазами в панике оглядывался по сторонам. Он искал палку, но не нашёл. Зато увидел рядом корзину с соевыми бобами.

Это были бобы госпожи Хуан.

Её муж и сын несколько дней назад ходили в деревню Люцзян помогать семье Ли сажать бобы. Госпожа Хуан была занята по дому, поэтому её бобы ещё не были посажены. Когда её мужчины закончили работу у Ли и вернулись, они принялись выкорчёвывать стебли кукурузы и полоть сорняки.

Обычно в деревне срезали стебли бобов, связывали их в снопы и сушили во дворе несколько дней. Когда стручки высохали, их били палками, чтобы выбить бобы.

Но при таком способе бобы часто трескались.

Все сажали бобы из собственных семян, поэтому перед посадкой их нужно было перебирать. Повреждённые или поеденные насекомыми бобы не годились для посадки. Выбрасывать их было жалко.

Госпожа Хуан любила поболтать. Через несколько дней ей нужно было сажать бобы, поэтому она принесла корзину на гумно, чтобы, работая, поболтать с соседками. Так, по её мнению, работа шла веселее.

Для крестьян зерно было самым ценным.

Цзян Сяоэр, увидев, как она снова вцепилась в волосы Цзян Сяои, скрепя сердце, подбежал и изо всех сил толкнул корзину.

Соевые бобы посыпались на землю, раскатившись далеко вокруг.

Справа от баньяна проходила канава. Её вырыли, чтобы отводить воду на поля на восточной окраине деревни. За десять лет на её дне скопился толстый слой мягкого жёлтого ила и водорослей.

Госпожа Хуан, заметив краем глаза, что произошло, чуть не лишилась чувств. Она обернулась и увидела, что все бобы высыпались из корзины, а большая их часть скатилась в канаву. Её

глаза налились кровью.

Ваньдуцзы.

Целая корзина бобов. Их можно было бы пожарить и есть долгое время, или продать за двадцать-тридцать вэней.

Невозможно было их просто так оставить.

Но сколько времени уйдёт, чтобы их собрать?

Госпожа Хуан схватила Цзян Сяоэра за воротник и в ярости закричала:

— Маленький ублюдок! Большой выродок! Я убью тебя! Ты опрокинул мою корзину! Я убью тебя

<http://bllate.org/book/13701/1585735>